

Тихонова Е.В.

г. Москва, Россия

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В
КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР СОВРЕМЕННЫХ «МОЗАИЧНЫХ»
СОЦИУМОВ**

Статья освещает методику психолингвистического диагностирования латентных социальных конфликтов в «мозаичных» социумах на примере проведения свободного ассоциативного эксперимента с последующим выявлением содержания и структуры концепта «толерантность» на основании модели значения слова.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, мозаичные социумы, толерантность, модель значения слова, концепт

Elena Tikhonova

Moscow, Russia

**PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT OF “TOLERANCE” IN THE
CONTEXT OF DIALOGUE OF CULTURES OF THE MODERN “MOSAIC” SOCIETIES**

The article deals with psycholinguistic technique of diagnosing latent social conflicts in the "mosaic" societies on the example of the free associative experiment followed by the identification of the content and structure of the concept of "tolerance" based on the model of the word meaning.

Keywords: free associative experiment, mosaic societies, tolerance, model of the word meaning, concept

Современный этап исторического развития, характеризующийся мощным иммиграционным потенциалом, неизбежно акцентировал усложнение этноконфессиональной структуры государственных социальных организмов. Логика социальной иерархии «мозаичных социумов», в свою очередь, породила проблему самоопределения «новых граждан». Принятая в качестве официальной в ряде стран, политика мультикультурализма оказалась неспособной создать незыблемый фундамент для бесконфликтной интеграции «принимающей» и «принимаемой» частей населения европейских государств, Америки, Канады. Причиной подобного положения вещей, в первую очередь, послужил, ставший принципиально иным в XX в., характер иммиграционного потока, в котором в качестве переселенцев выступают не европейцы, а так называемые «видимые меньшинства» (иммигранты, являющиеся не европейцами и кардинально отличающиеся по своему фенотипу (например, цветом кожи) от «принимающего общества»).

Все чаще население «мозаичных социумов» высказывает опасения об их излишней этно-культурной фрагментированности, неспособности стать единым целым, поскольку каждая из «новых» этнокультурных групп стремится

реализовать собственные ожидания от проживания на «новой Родине» в большей степени, нежели нацелена на интеграцию в «принимающее общество». Более того, наметилась тенденция к сознательному дистанцированию «новых иммигрантов» от культурных ценностей европейских и американских культур, выражающаяся, в том числе, и в избегании межэтнических браков, религиозной капсулированности. Именно последняя и вызывает основные опасения обществ «светского типа», к которым относятся большинство населений стран, проводящих активную иммиграционную политику. Полагая «религиозный компонент» бытия частью культуры каждой конкретной «религиозной» общины, «светские общества», оказались не готовы к восприятию принципов самоидентификации этноконфессиональных групп, ориентированных на инкорпорацию, как минимум, элементов собственного мировоззрения в общегосударственную социальную практику.

Под этноконфессиональными группами принято понимать замкнутые социальные структуры, объединенные не только единой религией, но и конкретным его направлением, толком или сектой. При этом, религия выступает для членов этноконфессиональных групп в качестве нормобразующей силы, вследствие чего, последние являются носителями конфессиональных принципов самоидентификации. Другими словами, иракцу-сунниту легче контактировать с турком-суннитом, нежели с иракцем-шиитом. Этноконфессиональные общины, зачастую, не ограничиваясь стремлением сохранить свой духовный мир, превращаются в общественные организации, соревнующиеся в борьбе за материальные блага [Баранова, 2004]. К носителями «этноконфессионального мировоззрения» традиционно относят мусульман, «закрытые» религиозные вероучения (езиды, сикхи и др.).

Стремление этнокультурных сообществ сохранить свою специфичность, которая определяется системой базовых знаний, мнений и верований, лежащих в основе формирования совокупности этнических и религиозных стереотипов и определяющих картину мира представителей данной этнокультурной общности, неизбежно порождает противоречия. Актуализируются полюса «свой - чужой», в качестве «чужака» при этом, воспринимается любой человек, находящийся за пределами данной социальной группы. Несоответствие поведения «иноверца» принятым внутри данной социальной группы правилам рассматривается в качестве маркера «чужого» и служит основанием для противопоставления «своему» (а в случае религиозных принципов самоидентификации – «своему как единственно правильному»). Таким образом, попытки познать «иные культурные ориентиры» через их измерение образами «своей» этнокультурной реальности не могут не породить недопонимание, отсюда любая

целенаправленная попытка побудить членов этнокультурного сообщества к принятию фрагмента “чужой” картины мира наталкивается на сопротивление. Самоидентификация, в данном случае, определяется наличием в картине мира членов различных общин аксиологических признаков, противопоставляющих одну этнокультурную общность другой.

Что касается российской действительности, этноконфессиональная структура населения России всегда характеризовалась глубокой мозаичностью, вместе с тем, российский социум имеет давнюю традицию мирного сосуществования с носителями иных, «не светских» принципов самоидентификации. Логика развития этнокультурного и конфессионального диалога на мировом уровне, тем не менее, не может не влиять на настроения россиян, иерархизацию их принципов самоидентификации. Анализу вышеуказанной проблематики и посвящена данная статья.

Большая часть населения России, равно как и европейских государств, следует этническим принципам самоидентификации. А потому, согласно выводу В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной, для россиян когнитивные структуры «свой народ - чужой народ» в процессе этнической самоидентификации, реализуются в различных формах (в том числе вербальной) и степенях агрессивности по отношению к чужому народу, которая определяет состояние межэтнической напряженности [Пищальникова, Рогозина, 2004, с. 122]. Нам представляется возможным, что конфессиональная самоидентификация индивида и конкретной этноконфессиональной общины так же сопровождается противопоставлением «свои» - «чужие». Отсюда, вербализация данного противопоставления способна продемонстрировать наличие / отсутствие агрессии по отношению к «чужому», зафиксировав, тем самым, уровень толерантности внутри социума.

На фоне растущей интолерантности, повышение уровня толерантности внутри полиэтничных и поликультурных государств представляется сегодня одним из наиболее значимых ориентиров их социальной и образовательной политики, поэтому, использование всех возможных подходов к исследованию феномена «толерантность» во всех его интерпретациях, представляется крайне актуальной задачей. В этой связи, исследование концепта «толерантность» на психолингвистическом уровне способно акцентировать как вербальные стратегии стабилизации этноконфессиональных отношений, так и диагностировать существующий уровень «толерантности» в конкретном государственном организме.

Концепт как инструмент изучения этнокультурных и индивидуальных особенностей личности представляется сегодня одним из наиболее

востребованных «инструментов» лингвистики. Вместе с тем, существует целый ряд его трактовок. В когнитивной трактовке концепт - это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, 1996, с. 90]. То есть лингвокогнитология под концептом понимает «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007, с. 34]. Таким образом, концепт трактуется как индивидуальный смысл, отличный от коллективного. Несмотря на то, что вербализуются далеко не все концепты, так как часть из них воплощена в психике человека ментальными невербализованными репрезентациями (мыслительными картинками, образами и т.п.), в когнитивной лингвистике принято в качестве аксиоматического утверждение о том, что будучи ментальной единицей, концепт может быть описан через анализ средств его языковой объективизации [Попова, Стернин, 2007].

Ю. С. Степанов, представитель лингвокультурологического подхода к концепту, определяет его, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а с другой стороны, как “то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не „творец культурных ценностей“ – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004, с. 42]. Будучи сегментарным по своей природе, лингвокультурный концепт, имеет чувственно-образное ядро, окруженное несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции и различающимися по своему содержанию в соответствии с характером человеческой деятельности (напр., политическая толерантность, религиозная толерантность). Концептуальное поле, таким образом, включает в себя, несколько концептуальных слоёв-сегментов, которые отражают развитие концепта и его связи с другими концептами: научная, бытовая, административная, спортивная, медицинская, экономическая толерантность [Же Ли, 2007; Попова, Стернин, 2002].

Концепт понимается в лингвокультурологии как вербализованный культурный смысл. При этом, он сложнее, чем именуемое его слово, так как

содержит семантические обертоны, которые и определяют специфику национального восприятия концепта. Однако именно при восприятии слова (иногда - сверхсловной номинации, идиомы, метафоры), которое является именем концепта, в сознании человека возникает соответствующий концепт. С точки зрения лингвокультурологии, концепт не исчерпывается словарным значением ядерного вербализатора концепта, но словарное значение слова - «имени» концепта образует ядро данного концепта [Ефремов, 2004, с. 100]. Лингвокультурологическое понимание концепта как базовой единицы культуры, ее концентрата, акцентирует его национальнокультурную маркированность.

Лингвокогнитивный и лингвокультурный концепты, таким образом, аккумулируют разнонаправленную интерпретацию с точки зрения сознания индивида: от индивидуального сознания к коллективному (культуре), и наоборот. Отсюда, по мнению И.С. Мерзляковой, когнитивные концепты – это индивидуальные содержательные ментальные образования, структурирующие и реструктурирующие действительность, а культурные концепты – это коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры [Мерзлякова, 2008, с. 37], отсюда, концепт является, одновременно, и когнитивной и культурной единицей

С точки зрения чисто лингвистической трактовки, концепт – это конструкт, репрезентующий ассоциативное поле имени, но не тождественный ему, отражающий культурнообусловленные представления человека о действительности. Соответственно, языковые знаки вербализуют лишь определенные признаки концепта; более того, даже вербализовав все признаки концепта, представить все содержание концепта невозможно, поскольку мыслительный процесс не может найти полное отображение в системе языка [Попова, Стернин, 2002, с. 38].

Концепт в качестве психолингвистического явления рассматривается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2001, с. 39]. Таким образом, основой концепта мыслится не столько его понятийное содержание, сколько план знаний: совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых и др.) элементов в психике человека. Другими словами, психолингвистика исследует не столько лексический или семантический планы концептов, сколько эмоции респондентов, их аксиологическую шкалу и

ассоциации, связанные с тем или иным концептом [Ефремов, 2004, с. 99].

Совокупность вышеуказанных подходов, на наш взгляд, фундирует возможность использования свободного ассоциативного эксперимента как метода психолингвистики для определения лексических вербализаторов концепта «толерантность», с последующим определением структуры его компонентов и их иерархизацией.

Психолингвистическое диагностирование уровня толерантности в российской студенческой среде, проведенное нами, включало ряд этапов. На первом этапе нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие студенты первого-второго курсов ведущих российских вузов (НИУ ВШЭ, РЭУ, МГИМО, РУДН) в количестве 302 человека. Участники подбирались методом сплошной выборки, эксперимент проводился письменно (фиксируются реакции участников эксперимента на слово-стимул «толерантность»). На втором этапе результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента были типологизированы нами на основе разработанной В.А. Пищальниковой интегративной модели психологического значения смысла / концепта, демонстрирующую принципиально функциональное, динамическое соотношение между стабильными составляющими концепта:

Рис. 1. Схема концепта по В.А. Пищальниковой.

В приведённой схеме, представления регистрируют субъективные чувственные образы действительности, определяемые целым рядом факторов – начиная от гендерной принадлежности и возраста, и заканчивая социальным статусом и образованием; понятие включает в себя наиболее существенные признаки предмета, явления или процесса; предметное содержание отражает вовлеченность предмета, явления в какой-либо вид деятельности; эмоции и оценки выражают определенные чувства индивида и положение предмета / явления на субъективной шкале «хорошо-плохо»; другие ассоциации – это единичные ассоциации, которые однозначно не интерпретируются с помощью известных культурных и лексикографических знаний [Лукашевич, 2004, с. 120].

Теоретическим обоснованием данной методики, по В.А. Пищальниковой и

И.В. Рогозиной, являются следующие положения: (1) члены одной этнокультурной общности существенно сходным образом вербализуют результаты познавательной деятельности в силу наличия системы этнических (конвенциональных) стереотипов и общности когнитивных структур – структур, возникающих при репрезентации стабильных ментальных содержаний стабильными языковыми элементами; (2) ментальные структуры, отражающие личностный перцептивный опыт, принципиально могут овнешняться различными языковыми элементами, но при этом познавательные схемы определенного уровня интеграции отражаются существенно сходным образом [Пищальникова, Рогозина, 2004, с. 123].

Следуя гипотезе, выдвинутой В.А. Пищальниковой и И.В. Рогозиной, согласно которой: структура концепта отражает наличие и степень межэтнической напряженности, обнаруживающиеся в различном соотношении аксиологических и иных компонентов концепта, мы полагаем возможным выдвинуть собственную гипотезу: структура концепта отражает наличие и степень социальной напряженности по различным основаниям (религиозное, этническое, идеологическое), обнаруживающиеся в различном соотношении аксиологических и иных компонентов концепта, даже внутри единой этнокультурной общности в ситуации наличия существенных социальных противоречий. Иными словами, поскольку концепт представляет собой нежесткую структуру, элементы которой имеют динамический характер связей с сознанием, в случае противопоставления отдельных групп внутри общества всему обществу по какому либо основанию, вербализация результатов познавательной деятельности, несмотря на наличие общих когнитивных структур, продемонстрирует иное динамическое соотношение между стабильными составляющими концепта, или же интегративные компоненты, объединяющие ассоциаты, полученные на слово-стимул, приобретут отрицательную коннотацию. Фундирует нашу гипотезу и заключение И.С. Мерзляковой, утверждающей, что содержание концепта, его взаимосвязи с другими концептами, зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей [Мерзлякова, 2008, с. 38].

уважение (58) уважение к нациям уважение чужого мнения терпимость (30)	да (2) эмоция безэмоциональн ый неэмоциональнос ть	люди (6) религиозные люди всегда нормальное отношение	национализм национальность цивилизация отсутствует отсутствие херня
---	---	--	--

терпение (26)	нету	отношение (3)	чушь
спокойствие (10)	братство	скинхеды	бред
воспитанность	скромность	воля	поведение
(11)	непонятие	демократия (2)	трусость
друг	ерунда	обходительность	болезнь
восприятие	равенство (5)	сравнение	взросление
рациональность	умный	справедливость	взгляд
воспитание (3)	мир	народы	ветераны
способность	нужна	политика	снисхождение
джентел	многонациональ	деградация	порядочность
дружба народов	ность	культура	взгляд
дружба (3)	смирение	сдержанность (3)	выбор
вежливость (5)	честь	неспособность	возможность
терпеть (2)	гордость	противостоять	согласие
религия (5)	не всегда	добро (3)	стол
церковь	хорошо (2)	объективность	щедрость
вера (3)	ненависть	такт	лояльность
чужие	мужчина	Америка	редкость (2)
прости (2)	дипломат	словарь	слабость
негр (2)	необходима	непосильный	нужно всегда
черные	обществу	труд	джентельменство
человек (2)	нет	понимание (5)	русские
дружелюбный	бывает	чурки	ложь
человек	Европа	кавказец (2)	дискомфорт
подход к	Швеция	неплохая вещь	черта
человеку	спокойствие	фашизм	нет
геи (6)	начальство	честность	необходимости
гомосексуализм	слушать	иллюзия	
(2)	выдержка	космополит	
гомофобы	характер		
равноправие (2)			
раса (2)			

Для ограничения понятийного компонента анализируемых ассоциативных значений, нами были привлечены дефиниции термина «толерантность» из «Современного словаря иностранных слов» под редакцией Л.Н. Комарова, «Толкового словаря современного русского языка» Д.Н. Ушакова, «Словаря современных понятий и терминов» Н.Н. Бунимович и коллектив авторов: 1. терпимость, снисходительность к чему-либо [Современный словарь

иностранных слов, 2001]; 2. способность и умение терпеть что-нибудь чужое, мириться с чужим мнением или характером [Ушаков, 2005, с. 1026]; 3. отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор [Словарь современных понятий..., 2002, с. 436].

В качестве репрезентантов понятийного компонента концепта «толерантность» участниками эксперимента были предложены (59 реакций, 19,5 %): терпимость (30), терпение (26), терпеть (2), снисхождение.

Большую часть зафиксированных ассоциатов, от всех полученных реакций, составили собой ассоциации – представления (160 реакций – 52 %): уважение (58), уважение к нациям, уважение чужого мнения, воспитанность (11), спокойствие (10), воспитание (3), дружба народов, дружба (3), вежливость (5), религия (5), церковь, вера (3), религиозные люди, дружелюбный человек, подход к человеку, равноправие (2), раса (2), национальность, национализм, братство, равенство (5), многонациональность, Европа, Швеция, Америка, слушать, взросление, взгляд, нормальное отношение, отношение (3), восприятие, воля, демократия (2), обходительность, сравнение, справедливость, народы, политика, культура, сдержанность (3), объективность, такт, понимание (5), космополит, лояльность, цивилизация, поведение, порядочность, взгляд, выбор, согласие, щедрость, черта, мир. Большинство ассоциаций-представлений может быть объединено в группы, в соответствии с их интегративными признаками: 1. уважение к “иному”, 2. воспитанность, 3. религиозная инаковость, 4. этническая принадлежность, 5. характер межполовых взаимоотношений, что, наряду с декларируемой готовностью к межкультурному, межэтническому, межрелигиозному взаимоуважению (наиболее частотной реакцией на словостимул стала ассоциация “уважение” (52 реакции – 17 % от всех ассоциатов, полученных в ходе эксперимента), свидетельствует о существовании определенной настороженности в отношении ряда факторов, свойственных функционированию “мозаичных” социумов (религиозному, этническому, моногендерным взаимоотношениям).

Ассоциации эмоции и оценки в структуре ассоциативного значения слова-стимула составили 19% (60 реакций): рациональность, чужие, негр, черные (2), геи (6), гомосексуализм (2), гомофобы, национализм, нету, скромность, непонятие, ерунда, нужна, нужна всегда, смирение, честь, гордость, не всегда, хорошо (2), ненависть, необходима обществу, нет, бывает, спокойствие, выдержка, характер, всегда, скинхеды, кавказец (2), деградация, неспособность противостоять, непосильный труд, чурки, неплохая вещь, фашизм, иллюзия, отсутствует, отсутствие, херня, чушь, бред, трусость, болезнь, редкость, слабость, джентлеменство, ложь, дискомфорт, нет необходимости. При этом,

эмоции и оценки распределяются на положительные (нужна, скромность, нужна всегда, всегда, честь, гордость, хорошо (2), необходима обществу, джентлеменство), отрицательные (чужие, негр, черные (2), геи (6), гомосексуализм (2), гомофобы, национализм, нету, непонятие, ерунда, ненависть, нет, скинхеды, кавказец (2), деградация, неспособность противостоять, непосильный труд, чурки, фашизм, иллюзия, отсутствует, отсутствие, херня, чушь, бред, трусость, болезнь, редкость, слабость, ложь, дискомфорт, нет необходимости) и нейтральные (рациональность, смирение, бывает, спокойствие, выдержка, характер, неплохая вещь) непропорционально. Негативное восприятие феномена зафиксировано в 68 % реакций, безразличное или нейтральное – в 12,6 % реакций, и позитивное – в 15 % реакций.

Реакции-ассоциации, ввиду своей немногочисленности (29 реакций) в процентном отношении внесли в структуру концепта толерантность лишь 9,5 %: друг, способность, джентл, прости (2), да (2), эмоция, безэмоциональный, неэмоциональность, умный, мужчина, дипломат, начальство, люди (6), добро (3), словарь, честность, ветераны, возможность, стол, русские.

Полученные в ходе эксперимента результаты позволяют заключить, что динамическое соотношение составляющих концепта не претерпело существенных трансформаций (преобладающими реакциями стали реакции-представления, а не эмоции и оценки), что могло бы свидетельствовать о достаточно высоком уровне взаимной толерантности. Но, наличие в ряду интегративных признаков для реакций-представлений понятий “религиозная инаковость”, “этническая принадлежность”, “характер межполовых взаимоотношений”, вкуче с преобладанием негативных и безразличных эмоций, в компоненте концепта “эмоции и толерантность”, могут рассматриваться в качестве маркеров потенциальных латентных социальных конфликтов и свидетельствуют о достаточно стремительном снижении уровня толерантности в среде российского студенчества. Более того, толерантность, судя по полученным в анкетах комментариям, рассматривается молодежью не как индивидуальная стратегия и “личное дело каждого”, а как стратегия социальная, групповая, требующая однозначного, зачастую радикального, претворения в жизнь (как бы она модально не окрашивалась информантами).

Литература:

1. Баранова Е.В. Британский мандат и этноконфессиональные общины Ирака: дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Брянск, 2004.
2. Бунимович Н.Т. Словарь современных понятий и терминов / Авт.: Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др.; Сост., общ. ред. В.А. Макаренко. М.: Республика, 2002. 527 с.

3. Ефремов В.А. Теория концептов и концептуальное пространство // Известия Российского педагогического университета им.А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 96-106.
4. Же Ли Семантика концепта толерантность и способы его лексической репрезентации в русском языке // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 104-114.
5. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 36-45.
6. Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–93.
7. Лукашевич Е.В. Психолингвистический эксперимент как способ диагностики эмоциональной напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / Под. ред. Н.В. Уфимцевой. М., Барнаул: Изд-во Алтайк. ун-та, 2004. С. 129-137.
8. Мерзлякова И.С. Понятие лингвокультурного концепта и его методологическое значение для изучения национальной культуры // Гуманитарный вектор. 2008. № 2. С. 36-39.
9. Пищальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: Сборник статей / Под общ. ред Н.В. Уфимцевой. М., Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. С. 121-128.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002. - 192 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 252 с.
12. Современный словарь иностранных слов / Под ред. Л. Н. Комарова. М.: Русский язык, 2001. 742 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Под ред. Татьянченко Н.Ф. М., 2005.